

№457 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Дабы в каждом из нас жил Христос

Много чего, во что мы верим. И в то, что Бог един, и что Он Вездесущ, Всемогущ, Вечен и Благ. Мы верим в бессмертие наших душ, в будущую вечную жизнь и прочее.

Но главное – в то, что спасительная близость наша с Богом осуществляется посредством Иисуса Христа. Таинственно мистически мы становимся Его Телом, клеточкой Его существа посредством Святой Евхаристии. На каждой литургии мы подаём Заветный знак Всевышнему о нашем желании быть во Христе, и дабы Он пребывал в нас.

И нынешнее апостольское чтение из послания Павла Галатийским Христианам также содержит эти удивительные слова апостола, свидетельствующие о его духовном состоянии. Он пишет: «...уже не я живу, но живет во мне Христос...» (Гал.2,20).

И как это понимать? Как метафору?

Совсем нет - христиане традиционных Церквей относятся к этому самым серьёзным образом, конечно же, без абсурдных крайностей. Свидетельствовать о том, что во мне Христос - не значит характеризовать себя как зомби или одержимым, даже в лучшем смысле этого понятия. Мы остаёмся **свободными** в каждом движении, в каждом своём поступке, даже неправильном, греховном. Но в последнем случае нас обличает не только совесть, которую справедливо называют «голом Божиим внутри человека», но и образ Христа, который для нас становится внутренней меркой, стандартом, эталоном, которыми мы должны постоянно сверять свои чувства, слова и дела. Да, мы **можем** совершить гнусности, но, памятуя, что этим мы «изгоняем» из себя Господа, или, как минимум, наносим Ему страшную моральную боль.

И если мы любим Иисуса или, по меньшей мере, относимся к Нему с глубоким почтением - наши поступки, слова, мысли мало-помалу становятся всё чище и светлее, наши желания и устремления всё ближе Христовым. И, в конце концов, наступает благословенный момент, когда наш ум, наши воля и чувства полностью совпадают с желаниями и замыслом Божьими.

А задумка Творца в том, чтобы мы, люди, стали дружной командой единомышленников, со-работников и со-творцов Всевышнего.

С 5-ти до 7-ми

Возраст от 5 до 7 лет, как считает христианский педагог и психолог священник о. Анатолий Гармаев - этап воспитания духа. Время строгого послушания, тело и душа содержатся в строгости, труд становится центром внутреннего внимания ребенка.

На будущее нам полезно будет запомнить три слова, три понятия: самообеспечение, работа, труд. Это три вида трудовой деятельности: самообеспечение, работа и труд. Внешне это может быть одним и тем же: просто человек чем-то занимается, что-то производит. Разница здесь только лишь в мотивации – **зачем, почему** человек делает то или иное, ради чего и для кого. Самообеспечение - это деятельность, направленная на удовлетворение личных естественных потребностей человека в пище, телесном комфорте, уюте, да в чём угодно. Работа - это деятельность по специальности или по способностям. Это могут быть различного вида занятия: умственные, музыкальные, изобразительные, ремесленные, технические, в том числе спортивные, танцевальные и так далее. И, наконец, труд, как отклик на нужду, или выполнение трудового действия мотивированного добротой, любовью или отзывчивостью. Но давайте по порядку.

Однажды к священнику Анатолию Гармаеву на педагогическую консультацию пришла мама восьмиклассника и начала жаловаться: «Не знаю, что делать. Приходит из школы, включает магнитофон, ложится на кушетку и 4-5 часов без перерыва слушает. Не спит, не дремлет. Активно слушает».

Если мы представим себя самих на месте этого подростка, то поймём, что нам такое не по силам. Даже если нами будет выбрана любимая музыка, у нас сил не хватит. А у них - подросток - хватает. Откуда?

Начинают выяснять это с мамой. Оказалось, что в возрасте с 5 до 7 лет она сажала его перед телевизором и занималась домашними делами - это ей было удобно. И нет ничего удивительного в том, что душевные силы для выполнения слухового и зрелищного действия в подростке запечатлены большие, а на трудовое их почти нет.

Он приходит домой. Мама его останавливает: «Подожди, не раздевайся. Хлеба у нас нет, сходи в магазин».

Десять минут - туда и обратно. А у подростка в душе словно всё упало. Руки опустились, чувство разочарования и конченной жизни захватило его всего. Мама же сердится. Ей кажется, что он упрямится, вредничает, что он эгоист и так далее. Ей и невдомёк, что в сыне действительно нет сил для выполнения действия по нужде. Это для него труд, который требует **огромного** усилия над собой по переводу сил души от зрелищ к нужде семьи. В детстве, в пять-семь лет, она не дала ему условий правильного запечатления, и теперь восстановить правду будет непросто.

Ещё о. Анатолий рассказывал случай, когда он работал в школе организатором внеклассной работы. «Захожу, - говорит он, - в 9-й класс и говорю: «Ребята, машина с партами пришла, нужно её разгрузить». «Когда?» — спрашивают. Отвечаю: «После уроков». «Ага» — и почти нулевая реакция, откликнулись один-два. Чувствуя ошибку, захожу в другой класс и говорю: «Ребята, нужно разгрузить машину, пришла с партами». — «Когда?» - «Сейчас». - «Ура!!!» - полетели...»

Что, они откликнулись на нужду? Ничего подобного. Они откликнулись на возможность уйти из душных тоскливых классных аудиторий и весело на свежем воздухе провес-

ти время, потому что на самом деле перекидать парты для ребят 9-го класса ничего не стоит.

В 30-е годы у нас в стране произошла кардинальная перестройка в педагогической науке. Педагогика отделилась от психологии. Ещё раньше произошло отделение школы от Церкви и уничтожение всего, что составляло духовное основание педагогики. Родился всадник без головы. В практику воспитания он вышел с лозунгом, которого до этого не знал ни один народ, ни одна нация - «Детям - счастливое детство». До этого всегда детство было временем подготовки к взрослой жизни, к сложной, трудовой и ответственной жизни. Теперь вместо этого появилась жизнь беззаботная. Помните, мы говорили с вами о типах воспитания - авторитарном и либеральном, и отмечали серьёзные недостатки и одного, и другого. И, конечно, это проблема есть не только в нашей стране.

Безусловно, это нормально, когда мы, родители, бережём и лелеем своих детей и стараемся всем их обеспечить и оградить от всего неприятного. Но беда почти всегда в потере чувства меры. Любая крайность - это плохо. Кто спорит, что плохо голодать, но и переесть не лучше. До революции и после детство было очень тяжким, и это не есть хорошо. Но мы всё же должны видеть в этом не только минусы. Вот старшее поколение - оно же чем-то отличается от молодого.

При нашем храме была бабушка Екатерина, мы её звали тётёй Катей. Она готовила еду, выпекала просфоры, занималась уборкой и ещё дюжиной дел. Спала не более 4-х часов в сутки, бегала как с электромоторчиком.

Гармаев тоже одну бабушку вспоминает, у которой ему пришлось квартироваться, когда он год преподавал в подмосковной сельской школе. С утра, ни свет, ни заря, он ещё спит, а она уже встала. Ей 78 лет. Неугомонная, она весь день на ногах. Дети выросли, живут в городе, и она одна. Огород, куры, и она со всем этим крутится. К вечеру только присядет, чтобы поесть и немного посмотреть телевизор, да и ложится спать. Отец Анатолий помогал ей иногда. А однажды он решил помочь основательно, всё воскресенье посвятил этому. «Мы вместе с ней, - вспоминает он, - занимались огородом. К обеду я её попросил: «Баба Маша, можно я немножко прилягу?» - «Конечно, сынок, приляг». Он прилегал. Думал, что полчаса полежит, а проснулся только через 2 часа. Выходит в огород, спрашивает: «Баба Маша, а вы-то отдохнули?» — «Отдохнула», - говорит. Но Анатолий видит, сколько работы без него было сделано, и не очень верит. К вечеру он её спрашивает: «Баба Маша, неужели вы не устаете?» Она говорит: «Да бывает, иногда». И вот для Гармаева это было совсем непонятно, что это такое. И вот много лет спустя, уже занимаясь глубоко психологией труда, он узнал, понял, что же происходит с бабой Машей, и что происходит со многими бабушками и дедушками её поколения.

Дело в том, что возраст детства (5-7 лет) у них приходился на 1905-1915 годы. Время, когда основное население было сельское, когда детям было не до развлечений, да и традиции деревенского воспитания были строгими. Повторяюсь, что это не есть хорошо. Баба Маша вспоминала, что с 4-х лет отец отправил её на огород, и основную часть детства она провела там. «Неужели не хотелось поиграть, как сегодня дети играют?» - спрашивал её Анатолий. «Как же, отец так задал! Не до игры было. Конечно, немного играли, но больше работали», - отвечала она. Так вот, её душевные силы благоприятного для запе-

чатлений возраста легли в трудовое действие. Теперь даже за обеденной беседой она не могла сидеть больше получаса. Ей нужно было что-то делать. Она не могла без работы, как собственно и почти все представители её поколения.

Большая часть представителей «среднего» поколения уже воспитаны в сердобольных родительских руках, при родителях, которые, не очень-то осозная это, больше **ублажали** нас, нежели формировали. И, тем не менее, **трудовое** воспитание ещё как-то велось. Во всяком случае, по **своей** профессии представители нашего поколения могут очень много и долго работать. Но именно по **профессии**, только **своими** делами.

Вообще, дело здесь не в огороде и не в хоззаимстве. Если человек в своё время привык прилежно учиться, сидеть за тетрадь, то потом ему на этой стезе будет легко. Например, математик по способностям готов 12 часов провести в институте и в 10 вечера прийти домой. То есть силы есть, и их много. А попробуй его заставь сделать какую-либо другую работу, не по способностям? Например, приходит он домой. Жена встречает известием: «Карниз упал, нужно подвесить». А он чувствует, как резко что-то в нём опустилось. Нет никаких сил браться за дело, он просит отложить это на потом, дескать, очень уставший. Жена соглашается. Он идёт мимо своего стола, вспоминает, что какую-то задачу на работе не доделал. Садится за стол и до 2-3-х ночи работает над ней. Силы появились. Получается - по нужде сил нет, на работе - есть.

Так и женщины, знают за собой аналогичные состояния. Кто-то избегает мыть полов, кто-то - стирки, потому что душевных сил на стирку нет, не было такой привычки в детстве. Кто-то избегает глажения. Постирать постирает, а вот гладить нет никаких сил. Когда заставляют, а в конечном итоге жизнь заставляя, то это для неё мука мукой. Кому-то не по силам готовить, кому-то не по силам быть внимательным к членам семьи. И так далее. Это значит, что период от 5 до 7 лет, то есть период становления трудового отклика, проведён в праздности, в беззаботных играх или, в лучшем случае, занятиях по способностям.

На самом деле, **все** народы многовековым опытом интуитивно знали об этом периоде. И существовали обычаи и традиции во всех народах, в том числе и в Украине. На Руси от 5 до 7 лет дети половину свободного времени (исключая сон и еду) были в труде. Их понуждали к этому. Причём в труде таком, который связан непосредственно с результатом, ведь дети всё очень конкретно воспринимают. Когда мы сейчас говорим: «по труду и зарплата», то сегодняшний подросток это понять затрудняется. Головой это можно ещё понять, но внутренним опытом этого понять нельзя, потому что связи между трудом и тем, что подросток на столе имеет, у него нет.

Иное дело — село. Ребёнок 4-5 лет посадил семена на грядку. Появились ростки. Если их не поливать, они засохнут, не проредить и не прополоть - плохо будут расти. Растения сами просят. И это нужда первого порядка. А затем созрел урожай. Ребёнок несёт выращенное им с грядки на стол и видит, как радуются домашние зелёной пище. Ребёнок видит нужду второго порядка. На следующий год ребёнок снова посеет семена, но не только из любознательности. Теперь его начинающийся труд будет исходить уже из нужд домашних.